

Егор Анатольевич Юрескул,

кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия), e-mail: euyureskul@hse.ru

Илья Александрович Иншаков,

ассистент департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru

Илья Борисович Филиппов,

аспирант аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия), e-mail: ifilippov@hse.ru

**ВЛИЯНИЕ СИЛОВЫХ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ
НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИКИ
В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ¹**

В статье рассматривается проблема взаимосвязи между значимостью силовых групп интересов в недемократических режимах и производительностью экономики. Авторы предлагают оригинальную теоретическую модель, использующую достижения теории секьюритизации, чтобы проследить механизм влияния «силовики» на экономическое развитие государств в отсутствие институциональных и социальных ограничений. На основе теоретической модели предложен количественный индекс влияния «силовики», сочетающий в себе комплекс институциональных и политических переменных. Для выявления взаимосвязей между индексом влияния «силовики» и экономическим развитием используется комплекс статистических методов: панельные регрессии с фиксированными эффектами и разрывные регрессии. Результаты расчетов показывают устойчивое негативное влияние силовых групп интересов на производительность экономики.

Ключевые слова: силовые группы интересов, общая производительность факторов экономики, теория секьюритизации, регрессионный анализ.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31730.

Egor Anatolievich Yureskul,

Kandidat of Political Science, Senior Lecturer, School of Politics and Governance, National Research University/Higher School of Economics (ul. Myasnitckaya 20, Moscow 101000, Russia), e-mail: eyureskul@hse.ru

Ilya Aleksandrovich Inshakov,

Assistant, School of Politics and Governance, National Research University/Higher School of Economics (ul. Myasnitckaya 20, Moscow 101000, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru

Ilya Borisovich Philippov,

Graduate student, Graduate School of Political Science, National Research University/Higher School of Economics (ul. Myasnitckaya 20, Moscow 101000, Russia), e-mail: iflippov@hse.ru

THE INFLUENCE OF POWER INTEREST GROUPS (SILOVIKI) ON ECONOMIC PRODUCTIVITY IN NON-DEMOCRATIC REGIMES

This article examines the problem of the relationship between the importance of power interest groups in non-democratic regimes and the productivity of said regimes' economies. The authors propose an original theoretical model using the advancements made by securitization theory to trace the mechanism of the influence of the "siloviki" (highly-placed security service personnel) on the economic development of states in the absence of institutional and social restrictions. Based on the theoretical model, a quantitative index of the influence of the siloviki is proposed that combines a set of institutional and political variables. In order to identify the relationship between the index of the siloviki's influence and economic development, a set of statistical methods is used: fixed-effect panel regressions and discontinuous regressions. The results of these calculations show a stable negative impact of power interest groups on the productivity of an economy.

Key words: *power interest groups, total factor productivity, theory of securitization, regression analysis.*

Введение

Фундаментальный тезис Д. Норта о том, что «институты имеют значение»², в настоящее время не ставится учеными под сомнение. В многочисленных эмпирических исследованиях была доказана

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

статистически значимая взаимосвязь между качеством политических институтов и экономическим развитием государств. Тем не менее большая часть сравнительных межстрановых исследований, посвященных связке «институты — развитие», фокусируется на структурных макропеременных, таких как тип политического режима, политическая стабильность или тип партийной системы. При этом вне фокуса внимания исследователей находится специфика функционирования того или иного типа политического режима: авторы стремятся объяснить влияние институтов на развитие для государств вообще.

В настоящей работе мы предлагаем сузить фокус исследования до недемократических режимов, поскольку в таких государствах формирование политических институтов и экономическое развитие происходят в более сжатые сроки по сравнению с консолидированными развитыми демократиями Запада. Кроме того, мы предлагаем теоретическую модель, связывающую фундаментальные политические характеристики недемократических режимов с развитием экономики через деятельность силовых групп интересов.

Под силовыми группами интересов или «силовиками» в данном случае понимается часть авторитарных элит, отвечающая за национальную безопасность в широком смысле: в большинстве рассматриваемых государств это представители исполнительной власти, которых можно отнести к силовым структурам. При этом важно отметить, что в ряде случаев такие элитные группы объединены с военными структурами и формируют так называемые силовые элиты (*security elite*), однако нас интересуют в первую очередь гражданские группы интересов, не связанные с военной безопасностью. В связи с этим из межстрановой выборки были исключены военные режимы и режимы со значительным влиянием военных ведомств.

В качестве меры экономического развития мы предлагаем использовать общую производительность факторов — комплексное понятие, сочетающее в себе не только достигнутый уровень благосостояния, но и набор как чисто экономических, так и политических и управленческих факторов. Именно это делает общую производительность факторов подходящей зависимой переменной для статистического анализа влияния групп интересов на экономическое развитие. Мы опираемся на оценки общей производительности факторов, полученные непараметрическими методами на основе данных о совокупном выпуске (ВВП) и факторах производства (труд- и капиталозатраты в экономике).

Для выявления связей между влиянием силовых групп интересов и экономическим развитием нами был сконструирован индекс влияния «силовиков», включающий в себя эмпирические показатели

деятельности данной группы интересов. Мы применяем комплекс регрессионных моделей, включающий в себя модели для работы со спецификой панельных данных (как внутренней, так и внешней вариацией), сквозные регрессии и regression discontinuity (разрывные регрессии). В этих моделях мы используем рассчитанный индекс силового влияния как ключевую независимую переменную, а общую производительность факторов экономики (total factor productivity, далее TFP) — текущее значение или его прирост — как отклик. Оцененные модели описывают связь между влиянием силового блока элит в авторитарных государствах и совокупной факторной производительностью с разных перспектив, позволяя сделать ряд качественных выводов.

1. Теоретическая модель

1.1. Общая производительность факторов экономики как предмет исследования в политической науке

TFP — одно из ключевых понятий неоклассической экономики как области научных исследований. Этот концепт был впервые предложен во второй четверти XX в. как величина, объясняющая экономический рост, который нельзя целиком атрибутировать росту факторов производства. На примере развитых индустриальных экономик исследователями было показано, что ВВП государств растет экспоненциально, тогда как факторы производства — труд и капитал — растут линейно³. Наличие необъясненных источников роста традиционно связывается в литературе с такими экономическими показателями, как грамотное распределение ресурсов между фирмами, управленческая эффективность, уровень технологического развития и человеческий капитал⁴. Тем не менее большинство исследований вслед за Р. Солоу⁵ определяют TFP как «меру нашего незнания» о производственном процессе в масштабах национальной экономики: помимо названных выше факторов, ученые признают потенциальное влияние большого числа других экономических и политических переменных на производительность. Данный тренд также поддерживается на уровне операционализации величины

³ *Copeland M.A., and Martin E.M.* The Correction of Wealth and Income Estimates for Price Changes // *Studies in Income and Wealth*. Vol. 2. New York: National Bureau of Economic Research, 1938. P. 85–135.

⁴ *Mahmood T.* Effects of Input Composition on Technical Efficiencies of Textile Industries in Pakistan // *The Pakistan Development Review*. 2012. Vol. 51. No. 2. P. 117–130.

⁵ *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94.

ТФР: большинство существующих методик изолируют прирост ВВП государства, объясняемый ростом факторов производства, и рассчитывают ТФР как «остаток Солоу»⁶, демонстрирующий реальный уровень экономического развития государств, не зависящий от конъюнктуры рынка и мировых бизнес-циклов. Последнее свойство делает ТФР более удобным индикатором экономического развития, чем традиционные показатели ВВП и ВВП на душу населения, что и предопределило современный интерес социальных наук к данному показателю.

В последние десятилетия ТФР находится в сфере внимания исследователей на стыке институциональной экономики и политической науки. После появления ставших классическими работ Д. Аджемоглу и его коллег взаимосвязь между политическими институтами и производительностью экономики не ставится под сомнение⁷. Существует ряд современных исследований, связывающих экономический рост с режимными характеристиками государств: демократичностью государственных институтов⁸, наличием системы сдержек и противовесов⁹ или уровнем коррупции¹⁰. В серии количественных исследований А.С. Ахременко и коллег продемонстрированы устойчивые статистические взаимосвязи между уровнем ТФР и рядом политических переменных, отражающих качество государственного управления и политическую стабильность¹¹, уровень социального доверия и политического капитала¹².

Отдельно стоит отметить роль ТФР как операциональной переменной в исследованиях недемократических режимов: для таких государств характерно более низкое влияние формальных институтов

⁶ *Hall R.E., and Jones C.I.* Why Do Some Countries Produce so much more output per Worker than Others? // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. P. 83–116.

⁷ *Acemoglu D., Johnson S., and Robinson J.* The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No. 5. P. 1369–1401.

⁸ *Guerin S., and Manzcchi S.* Political Regime and FDI from Advanced to Emerging Countries // *Review of World Economics*. 2009. Vol. 145. No. 1. P. 75–91.

⁹ *North D.C., and Weingast B.R.* Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *The Journal of Economic History*. 1989. Vol. 49. No. 4. P. 803–832.

¹⁰ *Rivera-Batiz F.* Democracy, Governance and Economic Growth: Theory and Evidence // *Review of Development Economics*. 2002. Vol. 6. No. 2. P. 225–247.

¹¹ *Akhremenko A., Petrov A., and Yureskul E.* Institutions, Productivity Change and Growth // *Business Cycles in BRICS* / Eds. S.V. Smirnov, A. Ozyildirim, and P. Picchetti. Cham: Springer, 2019. P. 29–54.

¹² *Ахременко А.С., Петров А.П., Юрескул Е.А.* Барьеры институционального развития в Европе: продуктивность экономики, социальное доверие и политический капитал // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 61–82.

и более сильное влияние групп специальных интересов; тогда как уровень ВВП на душу населения, как правило, значительно ниже такового у развитых западных демократий. В этой связи показатель TFP позволяет не только учесть различия в институциональной структуре (за счет своего обобщенного концептуального наполнения), но и сгладить различия в объеме экономики (за счет того, что учитывается не номинальный объем достигнутого ВВП, а трансформация факторов производства в ВВП).

С помощью вычислительных экспериментов исследователями было показано, что высокий уровень TFP способствует сближению политических позиций между группами специальных интересов в авторитарных государствах¹³, однако результаты исследования не были верифицированы на эмпирических данных. В настоящей работе мы, во-первых, сконцентрируемся на недемократических режимах (авторитарных государствах и гибридных режимах, или «авторитаризмах с прилагательными»); во-вторых, постараемся отойти от структурных переменных высокого уровня (таких как качество управления или уровень коррупции) и обратить внимание на роль групп специальных интересов, в первую очередь силовых групп или «силовиков», и их связь с производительностью национальных экономик.

1.2. Силовые группы интересов, безопасность и экономическое развитие

Вслед за классическими трудами Р. Даля¹⁴ группы интересов долгое время находились в фокусе мейнстрима политической науки. Однако на главный вопрос западных исследователей о том, влияют ли группы интересов на политический курс, до сих пор не существует однозначного ответа¹⁵. В современных работах отмечается, что даже масштабные кейс-стади не позволяют изолировать влияние групп интересов на государственные институты на национальном уровне, поскольку ключевой характеристикой первых (особенно в демократических государствах) являются их конфликтующие интересы¹⁶. Принимая во внимание специфику недемократических

¹³ *Ахременко А.С., Локишин И.М., Юрескул Е.А.* Экономический рост и выбор политического курса в авторитарных режимах: «недостающее звено» // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2015. № 3. С. 50–74.

¹⁴ *Dahl R.A.* *Who Governs? Democracy and Power in an American City.* New Haven: Yale University Press, 1961.

¹⁵ *Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M. et al.* *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why.* Chicago: University of Chicago Press, 2009.

¹⁶ *Anzia S.F.* Looking for Influence in All the Wrong Places: How Studying Subnational Policy Can Revive Research on Interest Groups // *The Journal of Politics.* 2019. Vol. 81. No. 1. P. 343–351.

государств, мы фокусируемся только на силовых группах интересов и их роли в обеспечении национальной безопасности.

Силовые группы интересов («силовики») являются одним из ключевых объектов исследования в таком направлении социальных наук, как *security studies*. Теоретики международных отношений отмечают особую роль национальной безопасности в государственной политике: во-первых, решения, принимаемые в этой сфере, носят однозначно политический характер¹⁷; во-вторых, это одна из немногих сфер политического, которую даже неолиберальные теории и сторонники концепции «ночного сторожа» однозначно признают вотчиной государства¹⁸. Таким образом, силовые группы интересов неразрывно связаны с политическим процессом обеспечения национальной безопасности и в значительной мере изолированы от методологических трудностей, с которыми сталкиваются исследователи групп интересов в других сферах.

Развитие *security studies* после окончания холодной войны привело к расширению концепции национальной безопасности: если раньше ключевым компонентом безопасности считалась военная безопасность, то в настоящее время в это понятие включаются также вопросы экономического развития и устойчивости режима¹⁹. Переход к пониманию безопасности как *non-traditional security* привел к увеличению роли внутренних угроз безопасности по сравнению с внешними²⁰, что, в свою очередь, означает приоритет проблем развития экономики над предотвращением внешних военных угроз²¹.

Необходимо также заметить, что в теоретических трудах, посвященных проблемам безопасности, делается акцент на развивающихся странах: исследователи отмечают, что процессы обеспечения национальной безопасности в этих странах принципиально отличаются от подобных процессов в развитых западных демократиях²². Это связано в первую очередь с неформальным характером политических процессов в рамках существующих слабых формальных

¹⁷ International Security. Sage Library of International Relations / Eds. B. Buzan, and L. Hansen. London: Sage, 2007.

¹⁸ Friedman M., and Friedman R.D. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

¹⁹ Buzan B., and Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

²⁰ 余潇枫徐黎丽 [Ю Сяофэн, Сюй Лили]. “边安学”刍议 [Мнение по поводу развития «пограничных исследований безопасности»] // 浙江大学学报 [Журнал Чжэцзянского университета]. 2009. Т. 39. № 5. С. 5–18.

²¹ Jackson R.H., and Sørensen G. Introduction to International Relations. Oxford: Oxford University Press, 1999.

²² Azar E.E., and Moon Chung-in. National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats. Aldershot: Edward Elgar, 1988.

институтов²³ и специфическим характером угроз, несущих скорее политический, чем военный характер. Так, экономические угрозы могут стать угрозами легитимности власти, что указывает на тесную взаимосвязь между экономическим развитием, национальной безопасностью и специальными интересами «силовиков»²⁴.

Наконец, ключевое значение для настоящей работы имеет взаимосвязь национальной безопасности и государственного строительства в развивающихся странах: поскольку процесс создания формальных институтов занимает значительно меньше время, чем у развитых стран (в силу того, что большинство авторитарных недемократических стран появились в постколониальную эпоху), и связан с более активными внутренними угрозами, а деятельность по обеспечению безопасности неизбежно расходует большую долю общественных ресурсов²⁵. В сочетании с более высоким уровнем коррупции и более низким уровнем технологий деятельность силовых групп интересов в развивающихся странах должна скорее препятствовать, чем способствовать экономическому развитию²⁶. Низкий уровень технологического развития также ведет к тому, что работа силовых групп интересов носит скорее трудоемкий, чем капиталоемкий характер, вследствие этого можно говорить не только о связи «силовиков» с экономикой вообще, но и с уровнем ТФР национальной экономики, поскольку соотношение между факторами производства является одной из детерминант ТФР.

Таким образом, security studies закладывают необходимые предпосылки для изучения силовых групп интересов с точки зрения политической науки: исследователи отмечают их роль в принятии политических решений, обращая внимание на функционирование этой группы в рамках формальных и неформальных институтов и связь ее деятельности по обеспечению безопасности с экономическим развитием.

1.3. Измерение влияния силовых групп интересов в недемократических режимах

Как правило, силовые группы интересов служат объектом странных кейс-стади: данная группа исследований позволяет вывести

²³ Thomson C.P., and Blagden D. A Very British National Security State: Formal and Informal Institutions in the Design of UK Security Policy // The British Journal of Politics and International Relations. 2018. Vol. 20. No. 3. P. 573–593.

²⁴ Ayoob M., and Wells S. The Security Problematic of the Third World // World Politics. 1991. Vol. 43. No. 2. P. 257–283.

²⁵ Sørensen G. War and State-Making: Why Doesn't it Work in the Third World? // Security Dialogue. 2001. Vol. 32. No. 3. P. 341–354.

²⁶ Ball N. Security and Economy in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1988.

теоретические основания для измерения влияния «силовиков». Исследования в области права и теории государственного управления отмечают естественные ограничения для деятельности «силовиков»: вертикальные — со стороны других ветвей и органов власти; горизонтальные — со стороны формальных институтов и организационных правил; внешние — со стороны гражданского общества²⁷.

В литературе отмечается, что повышенная роль силовых групп интересов сопряжена с концентрацией полномочий в руках исполнительной власти²⁸. В свою очередь, отсутствие политических ограничений по отношению к носителям структурного насилия ведет к «негативной секьюритизации»: неконтролируемому росту влияния «силовиков», которое в официальном дискурсе государства объясняется необходимостью обеспечения безопасности²⁹. Вследствие этого процесс деятельности силовых групп интересов помещается вне поля демократического обсуждения и не может быть оспорена другими группами интересов или обществом³⁰. Кроме того, в эмпирических исследованиях показано, что отсутствие ограничений по отношению к исполнительной власти негативно сказывается на экономическом развитии³¹, что делает данную меру влияния «силовиков» особенно актуальной в контексте настоящей работы.

В работах, посвященных силовым группам интересов в России, отмечается роль институциональной системы в формировании влияния «силовиков»: отсутствие отработанных формальных механизмов рекрутирования элит приводит к назначению на ключевые должности через личные знакомства³². Таким образом, в государствах со слабыми формальными институтами «силовики» концентрируются в рамках отдельных организаций, а личные связи через опыт совместной работы снижают вероятность столкновения политических интересов при определении единого политического курса.

Помимо структурных и институциональных факторов, ограничителем влияния «силовиков» служит гражданское общество. Если в демократических странах частно-государственное партнерство поз-

²⁷ *Ingber R.* Bureaucratic Resistance and the National Security State // *Iowa Law Review*. 2018. Vol. 104. No. 1. P. 139–221.

²⁸ *Bremmer I., and Charap S.* The Siloviki in Putin's Russia: Who They Are and What They Want // *The Washington Quarterly*. 2007. Vol. 30. No. 1. P. 83–92.

²⁹ *Charrett C.* A Critical Application of Securitization Theory: Overcoming the Normative Dilemma of Writing Security. Barcelona: International Catalan Institute for Peace, 2009. URL: <https://ssrn.com/abstract=1884149>

³⁰ *Wæver O.* Securitization and Desecuritization // *On Security* / Ed. R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995.

³¹ *Cox G.W., and Weingast B.R.* Executive Constraint, Political Stability, and Economic Growth // *Comparative Political Studies*. 2018. Vol. 51. No. 3. P. 279–303.

³² *Renz B.* Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 6. P. 903–924.

воляет государству делегировать задачи обеспечения безопасности и таким образом получать доступ к более масштабным ресурсам³³, то в недемократических, напротив, активное взаимодействие с частным сектором и общественными организациями ограничивает потенциал государства по извлечению общественных ресурсов³⁴. Сравнительные исследования *state capacity* отмечают «экстраактивный потенциал» государства как один из показателей его силы и возможности противостоять общественному давлению: для недемократических стран это доступ к ресурсам, контроль над политическими и экономическими процессами и человеческий капитал³⁵.

Опираясь на описанные выше исследования, для операционализации уровня влияния силовых групп интересов мы используем следующие меры: наличие ограничений исполнительной власти со стороны общества, наличие институциональных ограничений исполнительной власти, наличие ограничений на извлечение общественных ресурсов, а также эмпирические свидетельства неконтролируемой деятельности «силовиков».

Подводя промежуточный итог, опишем теоретическую модель, лежащую в основе нашего эмпирического исследования. Деятельность силовых групп интересов в недемократических странах, как правило, неразрывно связана с национальной экономикой: с одной стороны, «силовики» призваны обеспечивать национальную безопасность, в том числе в экономической сфере; с другой — отсутствие демократических ограничений и низкий уровень технологического развития приводят к концентрации власти и доминированию групповых интересов над общественными, к неконтролируемому извлечению ресурсов общества и установлению слабых формальных институтов. Указанные тенденции снижают потенциал экономического развития, негативно влияя на процесс перераспределения общественных ресурсов и производства экономических благ, что, в свою очередь, негативно отразится на уровне и динамике ТФР. Эмпирическую гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: *уровень влияния силовых групп интересов негативно сказывается на уровне и динамике ТФР в недемократических государствах.*

³³ Michaels J.D. Separation of Powers and Centripetal Forces: Implications for the Institutional Design and Constitutionality of Our National Security State // *University of Chicago Law Review*. 2016. Vol. 83. No. 1. P. 199–220.

³⁴ Schilde K. War Powers, Private Actors, And National Security State Capacity // *Boston University Law Review*. 2015. Vol. 95. No. 4. P. 1369–1386.

³⁵ Evans P.B. Review: Bringing the State Back In / Eds. D. Rueschemeyer, and T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985 // *Journal of Peace Research*. 1988. Vol. 25. No. 2. P. 201.

2. Статистический анализ

2.1. Данные и переменные

Эмпирическое тестирование предложенных гипотез производилось на базе панельных данных по 91 стране за период с 1992 по 2013 г. Исходная выборка была использована для составления индекса власти «силовики». На этом этапе с помощью метода главных компонент мы сгенерировали индекс власти «силовики». Все компоненты индекса взяты из базы данных Varieties of Democracy³⁶, в которой содержатся результаты экспертных опросов и их агрегаты, обработанные и обобщенные с помощью методов байесовской статистики:

- Ограничение исполнительной власти со стороны общества:
 - доступ к правосудию;
 - равенство перед законом и защита гражданских прав.
- Институциональные ограничения исполнительной власти:
 - ограничение исполнительной власти судебной ветвью власти;
 - независимость верховного суда;
 - независимость местных судов;
 - юридическая реформа, ограничивающая независимость суда;
 - юридическая реформа, повышающая независимость суда.
- Ограничения на извлечение общественных ресурсов:
 - прозрачность законов и правоприменения.
- Эмпирические свидетельства неконтролируемой власти «силовики»:
 - свобода от пыток;
 - свобода от политических убийств.

Для формирования единого индекса влияния «силовики» был применен метод главных компонент, позволяющий объединить переменные в одну, не прибегая к экспертной оценке вклада каждой из них в итоговую величину. Метод главных компонент применялся к данным после процедур централизации и стандартизации. В табл. 1 представлены факторные нагрузки и описание вошедших в индекс переменных.

Все компоненты индекса имеют направление влияния на индекс, предсказываемое теорией: все компоненты, кроме ограничения независимости суда, влияют отрицательно, так как связаны с ограничением возможностей «силовики» (потенциально заложенным в институтах или явно наблюдаемым в результатах их деятельности). За исключением судебной реформы, все компоненты имеют примерно

³⁶ Varieties of Democracy. URL: <https://www.v-dem.net/en/>

равную по модулю факторную нагрузку. Больше других выделяется компонента «Равенство перед законом и защита гражданских прав», но незначительно. Общая доля вариации факторов, объясненной главной компонентой, — 61 %.

Таблица 1

Факторные нагрузки компонент индекса влияния «силовики»

Факторы	Факторные нагрузки	Тип	Переменная в базе V-dem
Свобода от пыток	-0,34	Используемая как интервальная категориальная переменная, 5 упорядоченных категорий	v2cltort_ord
Свобода от политических убийств	-0,34	Используемая как интервальная категориальная переменная, 5 упорядоченных категорий	v2clkill_ord
Доступ к правосудию	-0,35	Интервальная переменная, от 0 до 1	v2xcl_acjst
Равенство перед законом и защита гражданских прав	-0,38	Интервальная переменная, от 0 до 1	v2xcl_rol
Ограничение исполнительной власти судебной ветвью власти	-0,36	Интервальная переменная, от 0 до 1	v2x_jucon
Независимость верховного суда	-0,31	Используемая как интервальная категориальная переменная, 5 упорядоченных категорий	v2juhind_ord
Независимость местных судов	-0,32	Используемая как интервальная категориальная переменная, 5 упорядоченных категорий	v2juncind_ord
Юридическая реформа, ограничивающая независимость суда	0,14	Бинарная переменная	v2jureform_ord
Юридическая реформа, повышающая независимость суда	-0,04	Бинарная переменная	v2jureform_ord
Прозрачность законов и правоприменения	-0,35	Используемая как интервальная категориальная переменная, 5 упорядоченных категорий	v2cltrnslw
Общая доля всей вариации признаков	61 %		

При последующем анализе была проведена фильтрация выборки. Из рассмотрения были исключены страны, в которых индекс военной власти по версии V-dem превышал 0,25 (верхний квартиль), чтобы эффект влияния «силовиков» не был загрязнен эффектом влияния власти военных, а также все страны, классифицируемые экспертами проекта V-dem как либеральная демократия. В результате при регрессионном анализе выборку составили данные 54 стран за период с 1992 по 2013 г. На рис. 1 видно, что значимая разница в распределении индекса власти «силовиков» есть только между либеральными демократиями и остальными режимами, причем эта разница довольно ощутима. Чтобы минимизировать вероятность экологической ошибки, либеральные демократии были исключены из выборки.

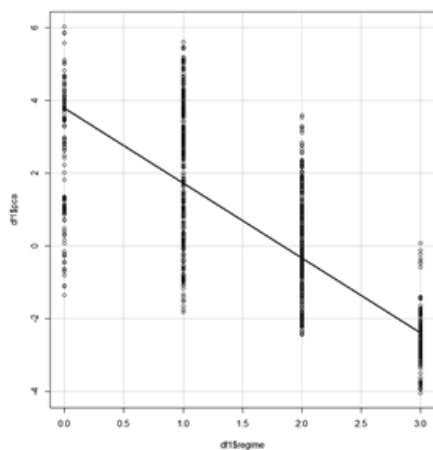

Рис. 1. Условное распределение индекса власти «силовиков» в зависимости от политического режима по версии V-dem (0 — закрытая автократия; 3 — либеральная демократия)

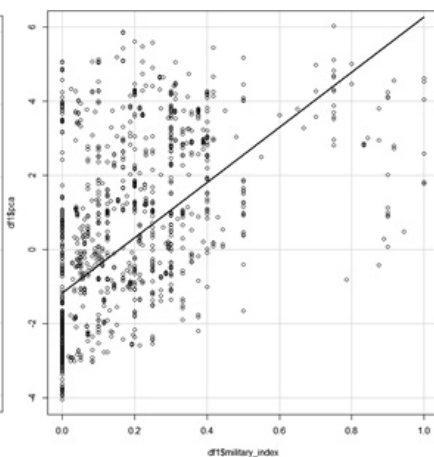

Рис. 2. Взаимосвязь между индексом влияния «силовиков» и индексом влияния военных V-dem в странах расширенной выборки

На рис. 2 показано, что для наблюдений с высокими значениями уровня милитаризации характерна высокая корреляция между индексом власти военных и индексом власти «силовиков». Поскольку при эмпирическом анализе мы хотим оценить не эффект военного правления, а последствия секьюритизации с «гражданской» стороны, такие наблюдения также были исключены из выборки.

Ключевой независимой переменной в регрессионных моделях выступают оценки общей производительности факторов

экономики (TFP), рассчитанные методом оболочечного анализа (Data Envelopment Analysis) на основе данных о запасах труда, капитала и ВВП в странах мира³⁷. Полученные оценки TFP представляют собой непрерывную переменную, принимающую значение от 0 до 1, где 0 соответствует низкому уровню экономического развития, а 1 — максимально возможному.

Во всех представленных ниже моделях мы будем использовать единый набор контрольных переменных, призванных изолировать эффект власти «силовиков» от других социальных и экономических факторов, влияющих на производительность экономики. Полный список и описательные статистики контрольных переменных представлены в табл. 2.

2.2. Регрессионный анализ

Для выявления статистических взаимосвязей будут рассмотрены OLS-модели; OLS-модели, учитывающие присутствие гетероскедастичности; модели с фиксированными эффектами, которые позволят оценить влияние властных полномочий «силовиков» на динамику TFP внутри стран. На основе последних будут также применены модели разрывной регрессии (regression discontinuity), которые позволят понять, насколько гомогенным является линейный эффект рассчитанного индекса на производительность экономики.

На диаграмме рассеяния на рис. 3 проведена регрессионная прямая, показывающая, что «неочищенный» эффект власти «силовиков» на логарифм совокупной факторной производительности — отрицательный, но по модулю небольшой. При этом наклон парной регрессии на уровне доверия 0,95 значимо не отличается от нуля, что не позволяет сделать однозначного вывода о наличии статистической связи. Результаты множественной МНК-регрессии с включением контрольных переменных и учетом гетероскедастичности данных приведены в табл. 3.

При включении набора контрольных переменных в МНК-регрессию оценка влияния «силовиков» качественно не меняется (модель 1.1). При этом все контрольные переменные оказываются значимы, поэтому мы не будем проводить проверки данного класса моделей с иными комбинациями контрольных переменных. Незначимость эффекта ключевой объяснительной переменной сохраняется при использовании оценок, устойчивых к гетероскедастичности (модель 1.2). Отсутствие значимого эффекта в данной модели является результатом игнорирования панельной структуры данных: влияние

³⁷ Akhremenko A., Petrov A., and Yureskul E. TFP Estimates and Frontier-generated Production Function: A New Dataset for Political Science. Moscow: Higher School of Economics Press, 2017. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/212591218>

Контрольные переменные в регрессионных моделях

Контрольная переменная	Краткое обоснование	Источник*	Min	Mean	Max	S.E.
Распространенность высшего образования	Возможность страны адаптироваться к технологическим изменениям, показатель общего уровня человеческого капитала	Всемирный банк	1,00	6,39	11,28	0,08
Натуральный логарифм ВВП на душу населения	ВВП на душу населения — показатель достигнутого уровня благосостояния	Всемирный банк	6,09	8,50	11,03	0,98
Основной источник бюджетных поступлений — рента	Показатель эффективности экономического аппарата государства и state capacity вообще	V-DEM	1,00	2,98	4,00	0,04
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на собственность и торговлю	Показатель эффективности экономического аппарата государства и state capacity вообще	V-DEM	1,00	2,98	4,00	0,04
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на прибыль	Показатель эффективности экономического аппарата государства и state capacity вообще	V-DEM	1,00	2,98	4,00	0,04
Натуральный логарифм доли ископаемых ресурсов в ВВП	Поток ресурсов позволяет иметь прирост в соотношениях капиталов и ВВП вне зависимости от качества институтов экономики и активности экономических акторов	Всемирный банк	-8,07	0,79	4,04	2,03
Уровень рождаемости	Показывает общий уровень социального развития, а также влияет на количество ресурсов, затрачиваемых на социальную сферу	Всемирный банк	1,09	3,47	7,46	0,06
Доля сектора услуг в ВВП	Показатель развитости экономики, чем больше сектор услуг — тем более модернизирована экономика	Всемирный банк	0,21	0,51	0,77	0,00
Уровень безработицы	Уровень безработицы имеет прямое влияние на ГРР, так как сказывается на эффективности использования труда	Всемирный банк	0,32	7,49	29,58	0,19

Примечание: * Источники: Всемирный банк — World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/>; V-DEM — Varieties of Democracy. URL: <https://www.v-dem.net/en/>

«силовики» по-разному сказывается на межстрановом уровне и на уровне динамики производительности экономики внутри страны.

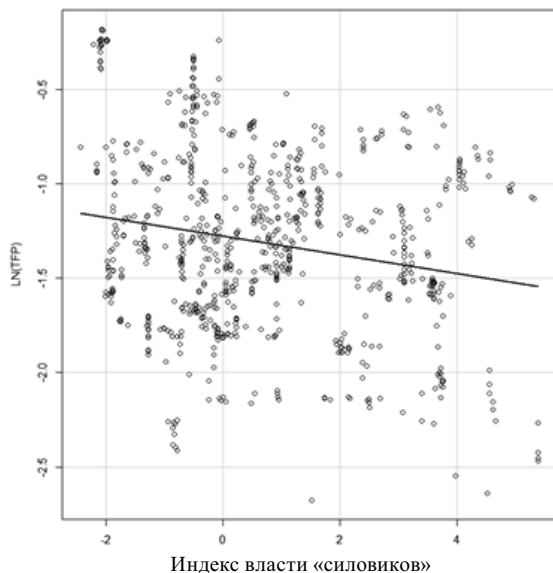

Рис. 3. Влияние власти «силовики» на логарифм TFP

В табл. 4 представлены панельные регрессионные модели с учетом фиксированных эффектов.

Модели с фиксированными эффектами на страну были оценены в двух составах контрольных переменных, каждый вариант с двумя типами устойчивых к гетероскедастичности стандартных ошибок. Все модели в табл. 4 (модели 2.1–2.4) показали крайне схожие результаты. Результаты оценки моделей с фиксированными эффектами свидетельствуют, что индекс власти «силовики» является важным предиктором, имеющим сильное и значимое влияние на изменчивость производительности экономики во времени. Влияние значимо, отрицательно и довольно ощутимо по модулю: в среднем при прочих равных увеличение индекса власти «силовики» на 1 приводит к снижению TFP на 4,0–4,1 %, притом что стандартное отклонение индекса составляет 1,94. Таким образом, в среднем при прочих равных изменение индекса власти «силовики» на одно стандартное отклонение приводит к снижению TFP на 7,76–7,95 %. Полученные коэффициенты оказались устойчивы и при кластеризации ошибок по временным периодам (модели 2.2, 2.4).

С помощью метода разрывной регрессии мы проверили изменение эффекта индекса власти «силовики» по мере увеличения этого индекса (табл. 5). В качестве точек разрыва были проверены

Результаты множественной МНК-регрессии

Предиктор	(1.1) Pooled I		(1.2) Pooled Hs3	
	Зависимая переменная —		Натуральный логарифм ТГР	
	Коэффициент	p-value	Коэффициент	p-value
Пересечение	-6,264	< 2e-16 ***	-6,264	< 2,2e-16***
Индекс власти «силовиков»	-0,008	0,178163	-0,008	0,2145717
Распространенность высшего образования	0,028	0,000133 ***	0,028	0,0002303***
Натуральный логарифм ВВП на душу населения	0,505	< 2e-16 ***	0,505	< 2,2e-16***
Основной источник бюджетных поступлений — рента	-0,134	0,000205 ***	-0,134	2,865e-05***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на собственность и торговлю	-0,297	1,41e-15 ***	-0,297	1,247e-15***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на прибыль	-0,120	0,000763 ***	-0,120	0,0002790***
Натуральный логарифм доли ископаемых ресурсов в ВВП	0,047	0,000475 ***	0,047	0,0002361***
Уровень рождаемости	0,127	< 2e-16 ***	0,127	< 2,2e-16***
Доля сектора услуг в ВВП	0,512	0,000213 ***	0,512	0,0006642***
Уровень безработицы	-0,018	< 2e-16 ***	-0,018	< 2,2e-16***
Устойчивые к гетероскедастичности оценки	Нет		Да	
Фиксированные эффекты	Нет		Нет	
R2		0,6864		
Adj. R2		0,6821		

Регрессионные модели с фиксированными эффектами

Предиктор	(2.1) Fixed I Нс3		(2.2) Fixed I Нс3 Cluster		(2.3) Fixed II Нс3		(2.4) Fixed II Нс3 Cluster	
	Зависимая переменная — Натуральный логарифм ТГР							
	Коэф.	p-value	Коэф.	p-value	Коэф.	p-value	Коэф.	p-value
Индекс власти «силовиков»	-0,04	0,00***	-0,04	<2,2e-16***	-0,04	0,00***	-0,040	<2,2e-16***
Распространенность высшего образования	0,01	0,83	0,01	0,44	—	—	—	—
Натуральный логарифм ВВП на душу населения	0,34	0,00***	0,34	<2,2e-16***	0,348	0,00***	0,348	<2,2e-16***
Основной источник бюджетных поступлений — рента	-0,06	0,03*	-0,06	0,00***	-0,067	0,02**	-0,067	0,00**
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на собственность и торговлю	-0,11	0,00**	-0,11	0,00***	-0,111	0,00**	-0,111	0,00***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на прибыль	-0,06	0,09	-0,06	0,036*	-0,067	0,08**	-0,067	0,05
Натуральный логарифм доли ископаемых ресурсов в ВВП	-0,03	0,02*	-0,03	0,00***	-0,033	0,03***	-0,033	0,00***
Уровень рождаемости	0,08	0,02*	0,08	0,00***	0,076	0,00**	0,076	6,247e-11***
Доля сектора услуг в ВВП	0,14	0,28	0,14	0,04*	0,160	0,29	-0,01	0,04*
Уровень безработицы	-0,01	0,00***	-0,01	2,590e-14***	0,160	0,00***	0,16	0,00***
Устойчивые к гетероскедастичности оценки	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Фиксированные эффекты	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Кластеризация ошибок по временным периодам	Нет	Да	Да	Да	Нет	Нет	Да	Да
R2			0,65799				0,65336	
Adj. R2			0,62964				0,62245	

Проверка каузальной связи методом разрывной регрессии

Предиктор	(3.1) Fixed Нс3 Q1		(3.2) Fixed Нс3 Q2		(3.3) Fixed Нс3 Q3	
	Зависимая переменная — Натуральный логарифм ТГР					
	Коэффициент	p-value	Коэффициент	p-value	Коэффициент	p-value
Индекс власти «силовиков»	0,0008279	01 0,9839412	-0,01326	0,6245568	-0,03128	0,0001758***
Натуральный логарифм ВВП на душу населения	0,3424084	< 2,2e-16***	0,342522	2,2e-16***	0,34107	2,2e-16***
Основной источник бюджетных поступлений — рента	-0,0691373	0,0007183***	-0,06277	0,0021660**	-0,07011	0,0004801***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на собственность и торговлю	-0,1017535	0,0004851***	-0,09677	0,0009215***	-0,10107	0,0003555***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на прибыль	-0,0508488	0,0408427*	-0,04631	0,0676595	-0,05115	0,0524701 ,
Натуральный логарифм доли ископаемых ресурсов в ВВП	-0,0331511	1,531e-05***	-0,03521	0,395e-06***	-0,0311	0,0003105***
Уровень рождаемости	0,0637381	8,758e-11***	0,063868	0,880e-10***	0,063279	0,320e-11***
Безработица	-0,0109028	2,801e-11***	-0,0108	0,443e-11***	-0,0116	0,694e-13***
q-квартиль индекса власти «силовиков»	-0,0484195	0,2144155	-0,03752	0,1004657	0,082738	0,0229700*
q-квартиль индекса власти «силовиков» * индекс власти «силовиков»	-0,0411098	0,3163721	-0,02465	0,3602014	-0,03202	0,0431913*
Устойчивые к гетероскедастичности оценки	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Фиксированные эффекты	Да	Да	Да	Да	Да	Да
R2	0,657	0,657	0,657	0,657	0,659	0,659
Adj. R2	0,627	0,627	0,627	0,627	0,630	0,630

квартили индекса власти «силовики». В двух из трех спецификаций нет значимого изменения наклона прямой. В случае, когда мы ставим точку разрыва в первый квартиль (модель 3.1), сам коэффициент растворяется в увеличенных стандартных ошибках из-за возникающей мультиколлинеарности (75 % наблюдений оказываются в группе, где произведение индекса власти «силовики» и фиктивной переменной нахождение в квартиле, превышающем первый, равно индексу власти). В случае, когда разрыв ставится на границу третьего и четвертого квартилей, разрыв становится значимым: в районе третьего квартиля возникает 8 %-й прирост TFP, но негативное влияние индекса власти «силовики» увеличивается вдвое. Положительный разрыв означает, что реальное увеличение негативного влияния случается позже, чем в точке разрыва.

Таким образом, при учете фиксированных страновых эффектов и влияния контрольных переменных мы можем наблюдать устойчивое негативное влияние индекса власти силовых групп интересов на показатель экономического развития (TFP). Метод разрывной регрессии позволил нам протестировать наличие каузальной связи между показателями: страны выборки, находящиеся в верхней квартили значений индекса власти «силовики», демонстрируют более значимую связь, чем страны, находящиеся в трех нижних квартилях. Данный эффект свидетельствует о том, что значительное влияние силовых групп интересов может негативно сказаться на развитии даже экономически успешных государств.

Дополнительно мы проверили влияние индекса власти силовых групп интересов на динамику экономического развития: откликом в модели был взят прирост TFP относительно момента времени t в момент времени $t+n$. Для этого мы использовали сквозные регрессии с ошибками, учитывающими наличие гетероскедастичности и кластеризованными по годам. В данном случае, поскольку речь идет о приросте TFP, прибавление или вычитание среднего странового значения отклика нежелательно, так как приведет к слабой интерпретируемости полученных результатов: непонятно, операционализацией какой теории может служить модель с фиксированными эффектами при таком отклике. Поэтому фиксированные эффекты к данному классу моделей не применялись.

Рассмотрение моделей 4.1–4.4 (табл. 6) приводит к выводу о том, что текущее значение индекса лучше предсказывает изменение в долгосрочной перспективе, чем краткосрочные колебания. Мы интерпретируем это как иллюстрацию тезиса Д. Норта о том, что специалисты по применению насилия ограничивают (по собственной воле или по горизонтальному принуждению со стороны других специалистов по насилию) и потенциал, и практику применения

Сквозные регрессии динамики экономического развития

Предиктор	(4.1) Pooled I НСЗ		(4.2) Pooled II НСЗ		(4.3) Pooled III НСЗ		(4.4) Pooled III НСЗ	
	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+1	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+3	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+5	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+10	Коэф.	p-value	Коэф.	p-value
Пересечение	Коэф. -3,32E-03	0,77934	0,00795828	0,737763	0,02614196	0,4540611	0,11704186	0,06529 ,
Индекс власти «силовиков»	Коэф. -6,25E-04	0,01905*	-0,00174089	0,001934**	-0,00277154	0,0005399***	-0,00707166	9,345e-07***
Распространенность высшего образования	Коэф. 5,69E-04	0,09224 ,	0,00201556	0,004022**	0,00350927	0,0003107***	0,00911245	7,602e-11***
Натуральный логарифм ВВП на душу населения	Коэф. 8,69E-04	0,53224	0,00046397	0,868902	-0,00102007	0,8008996	-0,00786576	0,27311
Основной источник бюджетных поступлений — рента	Коэф. -2,02E-03	0,16322	-0,00890188	0,002166**	-0,01747973	1,297e-05***	-0,03905018	5,026e-10***
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на собственность и торговлю	Коэф. -1,01E-04	0,94432	-0,0009246	0,751647	-0,00258504	0,5321311	-0,01353712	0,04144*

Предиктор	(4.1) Pooled I НСЗ		(4.2) Pooled II НСЗ		(4.3) Pooled III НСЗ		(4.4) Pooled III НСЗ	
	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+1	Кэфф.	р-value	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+3	Кэфф.	р-value	Зависимая переменная — рост ТГР в периоде t+5	Кэфф.
Основной источник бюджетных поступлений — налоги на прибыль	-1,40E-03	0,30543	0,0065393	0,032185*	-0,01469796	0,0006965***	-0,04435834	4,401e-11***
	1,91E-04	0,77147	0,00150259	0,254838	0,00245332	0,1864209	0,00426963	0,19161
Уровень рождаемости	-4,89E-05	0,94466	-0,00117473	0,379729	-0,00286132	0,1332392	-0,00996862	0,00140**
Доля сектора услуг в ВВП	-5,50E-03	0,42865	-0,01481858	0,304333	-0,01520776	0,4503408	-0,03000741	0,28640
Уровень безработицы	-2,36E-05	0,8339	0,00014642	0,497693	0,00046636	0,1169377	0,00099070	0,01063*
Устойчивые к гетероскедастичности оценки	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Кластеризация ошибок по времени	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
R2	0,0261	0,07816	0,07816	0,1242	0,1242	0,3165	0,3165	0,3165
Adj. R2	0,0002	0,06343	0,06343	0,1052	0,1052	0,2983	0,2983	0,2983

насилия с целью обеспечения ренты от долгосрочного увеличения благосостояния. Альтернативным объяснением наличия такой долговременной связи могла бы быть автокорреляция (индекс власти «силовиков» влияет и на свое значение через n лет непосредственно, и на TFP через n лет, оказывая влияние на TFP сегодня). Хотя автокорреляция и отвечает за часть наблюдаемого эффекта, она не может быть единственным объяснением того, почему эффект проявляется только со временем и почему он растет во времени. В рамках пятилетней перспективы увеличение индекса власти «силовиков» на 1 приводит к снижению прироста производительности экономики на 0,002, т.е. на 10 % от среднего прироста за пятилетний период.

Заключение

Итак, в рамках эмпирического исследования мы проверили нашу теорию на данных по 54 странам за период с 1992 по 2013 г. В первую очередь мы с помощью метода главных компонент составили индекс власти «силовиков». Полученный индекс включил в себя переменные, описывающие институциональные и социальные ограничения security-блока государственной власти, а также индикаторы того, как эти ограничения работают на практике. С помощью полученного индекса можно описать 61 % вариации исходных переменных, поэтому он был использован как ключевой предиктор в дальнейшем. Выведение такого индекса позволило использовать одну зависимую переменную вместо набора из неизбежно скоррелированных предикторов, что повысило эффективность применения регрессионных моделей для проверки поставленной гипотезы.

Мы рассмотрели 5 классов моделей с 2 разными типами отклика. Исследуя первый тип отклика, натуральный логарифм TFP, мы обнаружили, что индекс власти «силовиков» является сильным отрицательным предиктором изменчивости производительности экономики стран во времени, при этом на межстрановом уровне доминировали другие факторы, и эффект полученного индекса на этом уровне оказался статистически не отличимым от нуля. После проведения регрессионного анализа с применением техник regression discontinuity было обнаружено, что эффект неодинаков по модулю на разных участках области значений индекса власти «силовиков»: если средний отрицательный предельный эффект индекса составляет приблизительно 7,76–7,95 % от текущего уровня TFP за увеличение на одно стандартное отклонение, то на протяжении первых трех квартилей этот эффект составляет только 6 %, а в последнем квартале доходит до 15–16 %.

Наконец, рассмотрение второго типа отклика — прироста TFP через n лет — позволило оценить влияние власти «силовиков» на

перспективы роста производительности экономики в будущих периодах. Оказалось, что способность обнаружить это влияние и его масштаб зависит от временной дистанции: на больших временных периодах влияние прослеживается наиболее четко. Так, отрицательное влияние единицы индекса составляет 10 % от среднего прироста за пятилетний период и 17,5 % от среднего прироста за десятилетие.

В ходе исследования была сформулирована оригинальная теоретическая модель, использующая достижения социальных наук, чтобы проследить и описать механизм взаимодействия между политическими институтами, силовыми группами интересов, секьюритизацией и экономическим развитием. Существующие теоретические и эмпирические подходы, как правило, концентрировались на отдельных кейсах и объяснении механизмов взаимодействия «силовиков» с экономикой либо на макропеременных государственного уровня, тогда как предложенная модель рассматривает отдельные характеристики политической системы и связывает их с общей производительностью факторов.

Нами были рассчитаны авторские оценки влияния силовых групп интересов, включающие в себя комплекс прокси-переменных, отражающих институциональные и социальные ограничения деятельности «силовиков», а также эмпирические показатели их неконтролируемой власти. В качестве меры экономического развития мы использовали авторские оценки ТФР государств мира за период 1990–2013 гг., рассчитанные с помощью оболочечного анализа на основе данных о ВВП, трудозатратах и капиталозатратах.

Полученные количественные данные были использованы для статистического анализа взаимосвязи между влиянием силовых групп интересов и производительностью экономики. Панельные регрессии с фиксированными эффектами показали, что неконтролируемая власть «силовиков» сохраняет устойчивое негативное влияние на национальную экономику на всем рассмотренном временном промежутке. Дополнительная проверка направления каузальности методом разрывной регрессии показала, что эффект власти «силовиков» может иметь нелинейный характер и значительно усиливаться в случаях, когда ограничения на деятельность силовых элит отсутствуют.

Дополнительно был проведен статистический анализ влияния власти силовых групп интересов на динамику экономического развития. По результатам расчета регрессионных моделей был выявлен статистически значимый эффект индекса власти «силовиков» на величину прироста ТФР, что позволяет говорить о наличии каузальной связи, механизм которой протяжен во времени.

ЛИТЕРАТУРА

Ахременко А.С., Локин И.М., Юрескул Е.А. Экономический рост и выбор политического курса в авторитарных режимах: «недостающее звено» // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2015. № 3. С. 50–74.

Ахременко А.С., Петров А.П., Юрескул Е.А. Барьеры институционального развития в Европе: продуктивность экономики, социальное доверие и политический капитал // *Общественные науки и современность.* 2017. № 5. С. 61–82.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Acemoglu D., Johnson S., and Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review.* 2001. Vol. 91. No. 5. P. 1369–1401.

Akhremenko A., Petrov A., and Yureskul E. Institutions, Productivity Change and Growth // *Business Cycles in BRICS* / Eds. S.V. Smirnov, A. Ozyildirim, and P. Picchetti. Cham: Springer, 2019. P. 29–54.

Akhremenko A., Petrov A., and Yureskul E. TFP Estimates and Frontier-generated Production Function: A New Dataset for Political Science. Moscow: Higher School of Economics Press, 2017. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/212591218>

Anzia S.F. Looking for Influence in All the Wrong Places: How Studying Subnational Policy Can Revive Research on Interest Groups // *The Journal of Politics.* 2019. Vol. 81. No. 1. P. 343–351.

Ayoob M., and Wells S. The Security Problematic of the Third World // *World Politics.* 1991. Vol. 43. No. 2. P. 257–283.

Azar E.E., and Moon Chung-in. National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats. Aldershot: Edward Elgar, 1988.

Ball N. Security and Economy in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M. et al. Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Bremmer I., and Charap S. The Siloviki in Putin's Russia: Who They Are and What They Want // *The Washington Quarterly.* 2007. Vol. 30. No. 1. P. 83–92.

Buzan B., and Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Charrett C. A Critical Application of Securitization Theory: Overcoming the Normative Dilemma of Writing Security. Barcelona: International Catalan Institute for Peace, 2009. URL: <https://ssrn.com/abstract=1884149>

Copeland M.A., and Martin E.M. The Correction of Wealth and Income Estimates for Price Changes // *Studies in Income and Wealth.* Vol. 2. New York: National Bureau of Economic Research, 1938. P. 85–135.

Cox G.W., and Weingast B.R. Executive Constraint, Political Stability, and Economic Growth // *Comparative Political Studies.* 2018. Vol. 51. No. 3. P. 279–303.

Dahl R.A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1961.

Evans P.B. Review: Bringing the State Back In / Eds. D. Rueschemeyer, and T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985 // *Journal of Peace Research.* 1988. Vol. 25. No. 2. P. 201.

Friedman M., and Friedman R.D. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Guerin S., and Manzocchi S. Political Regime and FDI from Advanced to Emerging Countries // *Review of World Economics*. 2009. Vol. 145. No. 1. P. 75–91.

Hall R.E., and Jones C.I. Why Do Some Countries Produce so much more output per Worker than Others? // *The Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114. No. 1. P. 83–116.

Ingber R. Bureaucratic Resistance and the National Security State // *Iowa Law Review*. 2018. Vol. 104. No. 1. P. 139–221.

International Security. Sage Library of International Relations / Eds. B. Buzan, and L. Hansen. London: Sage, 2007.

Jackson R.H., and Sørensen G. Introduction to International Relations. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Mahmood T. Effects of Input Composition on Technical Efficiencies of Textile Industries in Pakistan // *The Pakistan Development Review*. 2012. Vol. 51. No. 2. P. 117–130.

Michaels J.D. Separation of Powers and Centripetal Forces: Implications for the Institutional Design and Constitutionality of Our National Security State // *University of Chicago Law Review*. 2016. Vol. 83. No. 1. P. 199–220.

North D.C., and Weingast B.R. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *The Journal of Economic History*. 1989. Vol. 49. No. 4. P. 803–832.

Renz B. Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58. No. 6. P. 903–924.

Rivera-Batiz F. Democracy, Governance and Economic Growth: Theory and Evidence // *Review of Development Economics*. 2002. Vol. 6. No. 2. P. 225–247.

Schilde K. War Powers, Private Actors, And National Security State Capacity // *Boston University Law Review*. 2015. Vol. 95. No. 4. P. 1369–1386.

Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94.

Sørensen G. War and State-Making: Why Doesn't it Work in the Third World? // *Security Dialogue*. 2001. Vol. 32. No. 3. P. 341–354.

Thomson C.P., and Blagden D. A Very British National Security State: Formal and Informal Institutions in the Design of UK Security Policy // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2018. Vol. 20. No. 3. P. 573–593.

Wæver O. Securitization and Desecuritization // *On Security* / Ed. R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995.

余潇枫徐黎丽 [Ю Сяофэн, Сюй Лили]. “边安学”刍议 [Мнение по поводу развития «пограничных исследований безопасности»] // *浙江大学学报 [Журнал Чжэцзянского университета]*. 2009. Т. 39. № 5. С. 5–18.

REFERENCES

Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. “The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation,” *American Economic Review*, Vol. 91, No. 5, 2001, pp. 1369–1401.

Akhremenko, A. S., Lokshin, I. M., and Iureskul, E. A. “Ekonomicheskii rost i izbor politicheskogo kursa v avtoritarnykh rezhimakh: ‘nedostaiushchee zveno’,” *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz*, No. 3, 2015, pp. 50–74.

Akhremenko, A. S., Petrov, A. P., and Iureskul, E. A. “Bar'ery institutsional'nogo razvitiia v Evrope: produktivnost' ekonomiki, sotsial'noe doverie i politicheskii kapital,” *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, No. 5, 2017, pp. 61–82.

Akhremenko, A., Petrov, A., and Yureskul, E. "Institutions, Productivity Change and Growth," *Business Cycles in BRICS*, eds. S. V. Smirnov, A. Ozyildirim, and P. Picchetti. Cham: Springer, 2019, pp. 29–54.

Akhremenko, A., Petrov, A., and Yureskul, E. *TFP Estimates and Frontier-generated Production Function: A New Dataset for Political Science*. Moscow: Higher School of Economics Press, 2017, URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/212591218>

Anzia, S. F. "Looking for Influence in All the Wrong Places: How Studying Subnational Policy Can Revive Research on Interest Groups," *The Journal of Politics*, Vol. 81, No. 1, 2019, pp. 343–351.

Ayoob, M., and Wells, S. "The Security Problematic of the Third World," *World Politics*, Vol. 43, No. 2, 1991, pp. 257–283.

Azar, E. E., and Moon Chung-in. *National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats*. Aldershot: Edward Elgar, 1988.

Ball, N. *Security and Economy in the Third World*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Baumgartner, F. R., Berry, J. M., Hojnacki, M. et al. *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why*. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Bremmer, I., and Charap, S. "The Siloviki in Putin's Russia: Who They Are and What They Want," *The Washington Quarterly*, Vol. 30, No. 1, 2007, pp. 83–92.

Buzan, B., and Hansen, L. (eds.) *International Security*. Sage Library of International Relations. London: Sage, 2007.

Buzan, B., and Hansen, L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Charrett, C. *A Critical Application of Securitization Theory: Overcoming the Normative Dilemma of Writing Security*. Barcelona: International Catalan Institute for Peace, 2009, URL: <https://ssrn.com/abstract=1884149>

Copeland, M. A., and Martin, E. M. "The Correction of Wealth and Income Estimates for Price Changes," *Studies in Income and Wealth*, Vol. 2. New York: National Bureau of Economic Research, 1938, pp. 85–135.

Cox, G. W., and Weingast, B. R. "Executive Constraint, Political Stability, and Economic Growth," *Comparative Political Studies*, Vol. 51, No. 3, 2018, pp. 279–303.

Dahl, R. A. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961.

Evans, P. B. "Review: Bringing the State Back In, Eds. D. Rueschemeyer, and T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985," *Journal of Peace Research*, Vol. 25, No. 2, 1988, p. 201.

Friedman, M., and Friedman, R. D. *Capitalism and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Guerin, S., and Manzocchi, S. "Political Regime and FDI from Advanced to Emerging Countries," *Review of World Economics*, Vol. 145, No. 1, 2009, pp. 75–91.

Hall, R. E., and Jones, C. I. "Why Do Some Countries Produce so much more output per Worker than Others?" *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 114, No. 1, 1999, pp. 83–116.

Ingber, R. "Bureaucratic Resistance and the National Security State," *Iowa Law Review*, Vol. 104, No. 1, 2018, pp. 139–221.

Jackson, R. H., and Sorensen, G. *Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Mahmood, T. "Effects of Input Composition on Technical Efficiencies of Textile Industries in Pakistan," *The Pakistan Development Review*, Vol. 51, No. 2, 2012, pp. 117–130.

Michaels, J. D. “Separation of Powers and Centripetal Forces: Implications for the Institutional Design and Constitutionality of Our National Security State,” *University of Chicago Law Review*, Vol. 83, No. 1, 2016, pp. 199–220.

North, D. C., and Weingast, B. R. “Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England,” *The Journal of Economic History*, Vol. 49, No. 4, 1989, pp. 803–832.

North, D., Wallis, J., and Weingast, B. *Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*, transl. D. Uelaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow: Gaidar Institute Press, 2011.

Renz, B. “Putin’s Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics,” *Europe-Asia Studies*, Vol. 58, No. 6, 2006, pp. 903–924.

Rivera-Batiz, F. “Democracy, Governance and Economic Growth: Theory and Evidence,” *Review of Development Economics*, Vol. 6, No. 2, 2002, pp. 225–247.

Schilde, K. “War Powers, Private Actors, And National Security State Capacity,” *Boston University Law Review*, Vol. 95, No. 4, 2015, pp. 1369–1386.

Solow, R. M. “A Contribution to the Theory of Economic Growth,” *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, 1956, pp. 65–94.

Sørensen, G. “War and State-Making: Why Doesn’t it Work in the Third World?” *Security Dialogue*, Vol. 32, No. 3, 2001, pp. 341–354.

Thomson, C. P., and Blagden, D. “A Very British National Security State: Formal and Informal Institutions in the Design of UK Security Policy,” *The British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 20, No. 3, 2018, pp. 573–593.

Wæver, O. “Securitization and Desecuritization,” *On Security*, ed. R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995.

余潇枫徐黎丽 [Yu Xiaofeng, and Xu Lili]. “‘边安学’刍议 [“An Opinion on the Development of ‘Frontier Security Studies’,”] 浙江大学学报 [*Journal of Zhejiang University*], Vol. 39, No. 5, 2009, pp. 5–18.